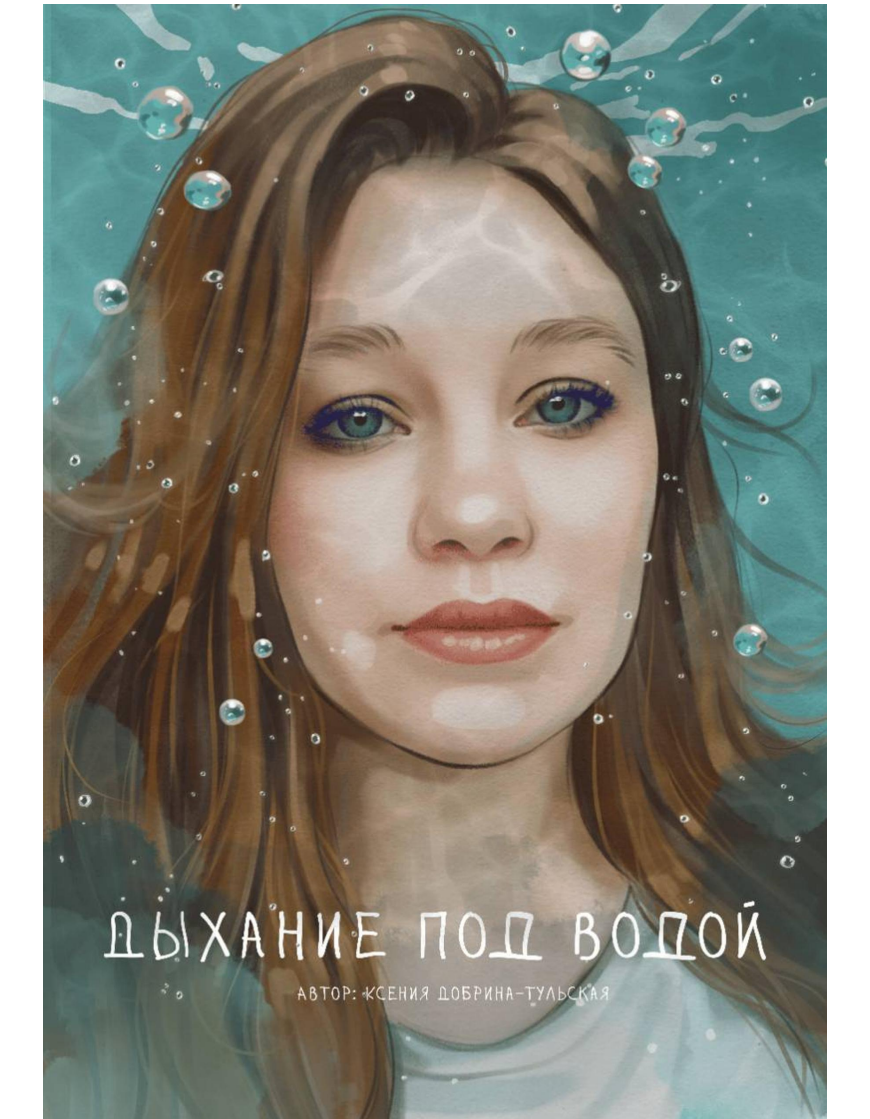

ДЫХАНИЕ ПОД ВОДОЙ

АВТОР: КСЕНИЯ ДОБРИНА-ТУЛЬСКАЯ

Ксения Добрина-Тульская

Дыхание под водой

<https://litres.ru/74372329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глубокая психологическая драма о пути молодой женщины к самопознанию и исцелению души. История Марии Зориной – это путешествие через боль потерь, внутренние конфликты и духовные поиски к обретению истинной силы и смысла жизни.

Роман затрагивает важные аспекты человеческой природы: способность к возрождению после падения, важность искренности и честности с собой, прощения и принятия. «Страх – это просто вода. А ты умеешь дышать под водой». Эти слова, сказанные Марии в детстве, из воспоминания становятся точкой отсчёта: путь к переосмыслению и новому этапу жизни.

История, которая откликнется в каждом.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	10
Глава 1. Переплёт жизни	10
Глава 2. Голоса прошлого	21
Глава 3. Через тернии к нежности	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ксения Добрина-Тульская

Дыхание под водой

Дыхание под водой

Пролог

Марии было больно. Она молча сидела на кровати и смотрела прямо, твёрдо, почти не моргая, чтобы не позволить слезам пробиться наружу. Зачем добавлять страданий и без того убитой горем матери, которая только что узнала, что потеряла брата?

Долгие месяцы ожиданий, предчувствий, дурные сны. Злосчастный телефонный звонок.

Они по обыкновению встретили этот удар вдвоём, в полутёмной студии. Мать ходила рядом из стороны в сторону. Ревела. Причитала.

Эта потеря навсегда изменила Марию...

Лето.

2003 год.

Деревня почти на границе с Казахстаном. Покосившиеся старые избы.

Жара. Песок.

Ребятишки на велосипедах катаются прямо по дорогам. Машину там можно встретить, дай Бог, раз в два часа. Асфальта в этой глуши нет и в помине, тротуаров тоже.

На одной такой машине, старой, ещё советских времён, едет между домов на озеро маленькая длинноволосая девоч-

ка лет шести, Маша Зорина. Она здесь в гостях и сейчас поехала купаться с дядей и его семьёй. Впервые мама куда-то отпустила Машу, доверив своё бесценное только самому родному человеку.

Кругом лес. Небо голубое-голубое, такое яркое, будто солнце не просто осветило его лучами, а растеклось по всему небосводу. Небольшое озеро, заполненное весёлыми деревенскими ребяташками. Они смеются, подкидывают друг друга, ныряют, купаются, а Маша ещё не умеет плавать и побаивается. Недолго понаблюдав со стороны, девочка, наверное, решила, что смелость города берёт. Она захотела так же, как и все, под стать весёлому солнечному дню, светиться от радости и, отбросив прочь любые вопросы, тоже прыгнула в воду — сама и без предупреждения.

Нырнув и даже немного проплыв на глубине, Маша встала, а над ней — вода... Вода была по всюду. Вдохнуть невозможно, и никого нет рядом. Страшно.

Маша не поняла, где верх, но не испугалась, не стала дёргаться, пытаясь вынырнуть. Она подумала, что надо идти по дну в ту сторону, где вода освещается солнцем.

«Наверное, где свет, там и берег», — подумала девочка и пошла ещё глубже. Пройдя несколько шагов, она начала уже отключаться. Горло сковала пугающая пустота, будто кто-то держал его тяжёлой железной рукой, не давая шанса на глоток воздуха. Вода начала забегать в нос. Глаза, уже испуганные и красные, начали заполняться слезами, которые

тут же смывала вода... Как вдруг мощный поток силы поднял Машу над водой, и она смогла сделать долгожданный вдох. Это был дядя. Он поднял девочку на одной руке, вернул ей солнце и воздух.

Дядя вынес Машу на берег и усадил на песок. Она кашляла и дрожала.

— Ты молодец!

— Я же чуть не... — шепнула Маша.

В глазах дяди мелькнуло что-то знакомое, будто он вспоминал собственный страх.

— Но не утонула. Почему?

— Потому что ты меня вытащил.

— Не только. Ты не впала в панику.

Он взял её за руки и прямо сказал:

— Ты всегда найдёшь выход. Ты у нас особенная девочка.

— Почему особенная, лёля?

— Потому что думаешь, когда другие кричат. Не сдаёшься, когда страшно. Знаешь, что такое маяки в море? Такие большие башни, которые светят кораблям, чтобы те не потерпели крушение. Вот и люди такие тоже бывают. Они тоже светят, и свет их видно далеко-далеко.

Маша нахмурилась:

— Но я же ничего особенного не сделала...

— Как это не сделала? Ты выжила. И не просто выжила.

Ты решила выжить. Это главное.

Маша всё ещё чувствовала вкус озёрной воды на губах.

Дядя поднял взгляд к небу, где солнце уже касалось горизонта и окрашивало воду в золото.

— Я уверен, что именно ты сможешь достичь того, чего никто в нашей семье не достигал.

— А если я испугаюсь снова?

— Испугаешься. И это нормально. Но ты всегда вспомнишь: страх — это просто вода. А ты умеешь дышать и под ней.

Годы спустя, будучи взрослой, Мария снова оказалась в воде, но уже без дяди-спасителя рядом. Алкоголь, танцы на барной стойке, вечера в кальянном дыму. Теперь её жизнь наполнилась грехами. И она уже смирилась с этим: решила жить во грехе, быть им.

Оступившись раз, она настолько закопала себя в самобичевании, что не видела пути искупления. Несколько месяцев Мария провела с затуманенным разумом, по-прежнему очерчивая круг дозволенного, но значительно расширив его. Отреклась от веры. Храмы казались ей холодными и неприветливыми, а тексты знакомых молитв слишком светлыми, чтобы она могла прочесть их даже мысленно.

Сегодня же ей некуда было обратиться со своими горестями, кроме как к Богу, некому рассказать о своей муке, кроме как Ему.

Она вспоминала, как дядя держал её за руки. Но была ли

там его рука? Или это её воображение дорисовало тепло, которого не было?

«Если я не могу доверять памяти, — спрашивала она себя, — то чему же я вообще верю?»

Часть 1

Глава 1. Переплёт жизни

«Дыхание под водой» ... Тот удивительный день и те важные слова, которые так плотно засели в памяти... Почему? Человеческая память загадочна. Иногда она вычёркивает события, принёсшие страх и потрясения. А иногда бережёт их и проносит через всю жизнь.

Мария помнила тот день многие годы, всю жизнь несла его с собой, как талисман, как напоминание о хрупкости бытия и крепости духа. К тому же, это было первое её осознанное воспоминание о столь дорогом сердцу человеку.

Со временем воспоминаний накопилось так много, что сейчас они били в грудь чем-то острым и горячим.

Однажды Маша с дядей вместе прислушивались к чупа-кабре, в которую верили и даже боялись все соседи.

Дядя прижал палец к губам, призывая к тишине. Его глаза в полумраке блеснули хитринкой.

— Тише, — прошептал он. — Кажется, это она. Давай подслушаем.

Он приложил ладонь к уху, изображая крайнюю сосредоточенность. Маша невольно придвинулась ближе.

— Слушай, — продолжил дядя, понизив голос до заго-

ворщицкого шёпота. — Это она говорит: «Ой, я нечаянно задела антенну. Надеюсь, никто не услышал...»

Маша нахмурилась, пытаясь уловить связь между звуками и его словами. В стене что-то зашуршало, словно кто-то ворочался, устраиваясь поудобнее.

— Это мышь, — выдохнула Маша.

— Или чупакабра, — возразил дядя, сохраняя серьёзное выражение.

В этот момент за окном что-то стукнуло, будто камнем ударили по стеклу. Маша вздрогнула, но прежде, чем успела испугаться, дядя выдал:

— О! Это она споткнулась о собственный хвост. Сейчас сидит и ворчит: «Ну вот! Опять забыла, что он у меня длинный. Надо бы укоротить... Или хотя бы запомнить!»

Теперь Маша рассмеялась в голос. И вдруг стало ясно: там, за стеной, нет ничего жуткого. Только нелепая, вечно путающаяся чупакабра, которая, кажется, сама боится всех и вся.

— А если она чихнёт? — спросила девочка, вытирая слёзы, выступившие от смеха.

— Тогда, — дядя сделал паузу, — скажет: «Простите, аллергия на ваш крыжовник!»

Они хохотали до колик.

А потом — тишина. Маша легла в постель и закрыла глаза, а в ушах всё ещё звучало: «Простите, аллергия на ваш крыжовник...»

Ни скрипа, ни шороха, ни странного стука больше не случилось. Только потрескивание старого дома, будто он тоже устраивался спать.

Мысли Марии по-прежнему витали в прошлом.

Всё та же деревня. Маше уже больше десяти лет. Теперь она здесь частая гостя.

Девочка стала оставаться у дяди каждое лето по месяцу, а то и по два. Она подолгу гуляла с его детьми, особенно много с сестрой Алёной, милой рыжеволосой девочкой, с пухлыми щёчками и большими карими глазами, словно сошедшей с иллюстраций к добрым детским сказкам.

Такая простая и лёгкая, она учила Машу всем прелестям деревенской жизни. Утром они вместе играли в мяч прямо посреди улицы, вечером дружно везли на телеге большущий бидон воды с колонки.

Весёлые беззаботные дни.

— Алёна, сделаешь мне перед сном массаж? Пож-а-а-а-луйста.

— Ну нет! Опять только я буду делать! А ты уснёшь в итоге.

— Почему? Это всего пару раз было. Сегодня я тебе тоже сделаю, точно!

— Ладно! Но это в последний раз.

И так проходил каждый вечер...

Маша сладко засыпала, чувствуя, как по её спине бегают маленькие шустрые пальчики двоюродной сестрёнки.

Всё ей всегда прощалось. Все понимали, что Маша не совсем из этого мира. Там её любили такой, какая она есть, терпеливо прививая новые полезные качества, несвойственные обычно городским детям.

Дядя учил её варить кашу и водить машину, рассказывал про домашний скот, показывал как топится баня и вообще был каким-то всемогущим.

Был у Маши и двоюродный младший братик. Ваня любил мультики о феях и интересовался насекомыми. Белокурый и коренастый, как его папа, он часто ковырялся в песке в поисках убежавшего паучка или гусеницы. А найдя, подолгу разглядывал каждую божью тварь до мельчайших подробностей.

В один из жарких дней, таких, когда невозможно даже свободно дышать, потому что воздух, кажется, наполовину высушен, а наполовину раскалён, Маша с братом смотрели мультики, и она уснула. Проспала часа два, нарочно подольше не просыпаясь, чтобы сбежать от этой жары в мир снов и грёз. Когда девочка проснулась, Ваня по-прежнему сидел рядом, но уже без мультиков, в полной тишине.

— Ванечка, ты что тут делаешь один? — спросила Маша, потирая глаза.

— Я от тебя мух отгонял, пока ты спишь.

— Да ты что? А тебе не скучно было тут одному в тишине?

— Скучно, но мне было жалко тебя будить.

В руках у брата Маша заметила большую глубокую миску, полную спелых кисло-сладких ягод крыжовника.

— А откуда у тебя крыжовник?

— Папа принёс.

— И ты всё это время не ел его?

— Нет, даже не пробовал. Я хотел, чтобы мы вместе съели...

Маша впервые ощутила заботу: бескорыстную, искреннюю. Когда о ней заботились взрослые, это было, как само собой разумеющееся. Но младший братик... который ещё и сам нуждался в заботе куда больше Маши...

И каждое следующее лето девочка возвращалась в деревню. Год за годом.

Летний вечер. Солнце скрылось из виду, но темнота ещё не наступила. Улицы почти опустели, и пастух уже пригнал стадо. Дядин уютный двор с разной скотиной, кустами крыжовника и спящим на цепи псом. Во дворе деревянный дом с резными ставнями и открытая в сени дверь. В сенях полумрак, пахнет сушёными травами и свежим хлебом. У стены стоит старый диванчик. На диване Маша.

Дядя лежал перед ней на полу, подперев голову рукой. Маша слушала его, затаив дыхание, так же как слушала бы рассказы со страниц любимых книг. С малого возраста она

читала всё, что находила: потрёпанные томики Асадова в де-душкином шкафу, горячо любимый и уже затёртый до дыр «Волшебник изумрудного города». В книгах всё было про далёкие страны, про волшебников и дороги, которых она никогда не видела. А дядя рассказывал про обычные вещи — про то, как в детстве лазил по крышам, как боялся темноты. И эти простые истории Маше нравились даже больше: в них было что-то настоящее.

Каждое такое лето он старался научить её тому, чему обычно отцы учат дочерей, но так ненавязчиво, чтобы не оттолкнуть, не разрушить невидимую тёплую связь, которая бывает только между старыми и добрыми друзьями.

Дядю звали Сашей, но девочка звала его просто дядей или лёлей. Он был коренастым, тягал тяжеленные гири под песни «Рок-островов», курил и почти всё время проводил за работой: то в кочегарке, то по хозяйству, а каждое утро начинал с чашки чифира. Он относился к Маше так, как никто другой, говорил с ней честно и по-взрослому.

— Знаешь, я ещё сейчас вспомнил, как в детстве строил шалаш.

— И что, получилось?

— Сначала нет. Палки падали, ветки не держались. Я злился, хотел всё сломать. Но потом сел, посмотрел, подумал: «Да ладно, а как вообще это делают-то?»

Маша улыбнулась:

— И придумал?

— Ну потихоньку сообразил. Стал, делать по порядку, не торопиться. Сначала каркас кое-как скрепил, потом стены накидал, а там и крышу пристроил. Не дворец, конечно, но лето пережил!

Девочка задумалась.

— А если не знаешь, как сделать?

— Так пробуй. По-другому никак. Пока не попробуешь — не поймёшь, что к чему.

— Но ведь можно ошибиться.

— Ещё как можно. Я вон сколько раз ошибался. Да и ты будешь ошибаться, это нормально. Ошибки, они как подсказки: ага, тут надо по-другому, тут крепче привязать.

Пауза. Маша вопросительно посмотрела на дядю.

— То есть ошибаться — это нормально?

— Абсолютно. Если не ошибаешься, значит, вообще ничего нового не делаешь.

— Но другие будут смеяться?

— Так кто-то всегда будет смеяться или критиковать. Это их дело. Ты делай то, что тебе важно. Даже если это просто шалаш из веток.

Они заулыбались.

— Шалаш — это серьёзно.

— Вот именно! — подмигнул дядя.

Чтобы позвонить маме, нужно было взобраться с телефо-

ном на одну конкретную горку, в деревне сигнал был только там...

— Как дела, доченька? Тебе всё нравится в гостях?

— Мне всё очень нравится! Пока не забирай меня!

— Хорошо. Но я очень скучаю. Приеду через неделю, вместе погостим пару дней и домой.

Когда мама Маши приезжала, они все вместе собирались за большим столом. Играли в секу. Мама и дядя много шутили. Тётя Лена пекла вкуснейшие пироги. Было уютно и приятно. Дом наполнялся какой-то необычайной энергией. В эти моменты под ногами ощущалась опора: особая и крепкая. Такая, какой нет больше нигде.

От мамы Маша уже знала, что жизнь дяди раньше была совсем не такой весёлой, как может показаться сейчас. Он пережил много трудностей и преодолений, но никогда не подавал виду, чтобы не ранить её детское сердце.

В юности дядя в нетрезвом состоянии совершил убийство. И, хотя по всей строгости закона ответил за содеянное, каждый последующий день жизни он сожалел о своём грехе.

Но для Маши лёля всегда был тем героем, добрым собеседником и просто родной душой.

Бабушка Нина была категорично настроена против снохи Лены. Часто лезла в семью сына. Всеми правдами и неправдами вносила в их жизнь раздор. Всегда из «добрых побуж-

дений». То сноха слишком богато одевается, то слишком поздно встаёт корову доить. А лёля был так счастлив с ней. Вообще семья была счастливая. Не без своих погрешушек, разумеется. Но ведь все были довольны. Казалось бы, какая разница свекрови, если сына всё устраивает? Ан нет...

Да, дядя не слушал мать в вопросах семейной жизни, но, как известно, постоянство — залог успеха. Деревня. Сплетни. Ссоры. Причины были разные, но и без этой не обошлось. В каждой семье свои кризисы и конфликты. Если туда ещё и вмешиваются третьи лица, то всё совсем плохо. Жена дяди решила развестись, а он не мыслил жизни без неё и детей.

Дядя пришёл к матери, начал искать новую работу. Но, как оказалось, бабушка Нина не рассчитывала на такого нахлебника и уже через пару дней его пребывания в родительском доме гостеприимство закончилось.

Дядя ушёл на улицу. Начал много пить, ночевал на тепло-трассе, а потом и вовсе пропал.

Маша к тому времени совсем повзрослела, закончила школу. Они с мамой жили далеко, в другом городе. Много дней переживали, думали, как найти его, чтобы помочь...

Так прошло несколько месяцев.

И, вдруг, звонок...

— Алло, Люба, это ты?

— Саша! Саша! Ты жив! Ты где? Как ты?

— Я то нормально, вы... Вы как?

— Всё хорошо... Саша... — Любовь обливалась слезами облегчения и счастья.

— Люба, я тут. Недалеко от вашего города. У меня забрали паспорт и телефон. Заставили бесплатно работать. Только вот выбрался и смог набрать твой номер по памяти.

— Давай мы встретим тебя. Приезжай к нам...

Мария той ночью была у своего парня. Время было позднее. Но это ничего...

«Утром я его увижу! Наконец-то!..»

На эту встречу она не успела... Не успела.

Дядя уехал с первыми лучами солнца. Он позвонил Маше:

— Прости, Машенька! Мне надо ехать сейчас, чтобы успеть сегодня в деревню засветло. Я решил вернуть жену. В этот раз я не сдамся. Всё сделаю. Не могу без неё, понимаешь?

— Понимаю, лёля... Удачи. Пусть у тебя всё будет хорошо. А мы ещё увидимся.

— Конечно! Обязательно, скоро увидимся!

«Надо было прийти вчера. Почему я не пошла к тебе? Кого я предпочла тебе, лёля? Когда мы теперь сможем встретиться?»

Одна надежда разведала у неё эту печаль: «Он жив. Значит, мы всё равно увидимся! Рано или поздно...»

Они не увиделись. Дядя вернулся к жене, а у неё уже другой мужчина, другая жизнь, она ждёт ребёнка.

Он снова пропал. И снова потянулись месяцы.

Сердце всё это время грела надежда: что сегодня, наверняка, как и тогда, неожиданно зазвонит телефон. Но он так и лежал, неподвижный, равнодушный к её надежде. На этот раз дядю смогли найти только по ДНК. Его захоронили в одной из трёх безымянных могил.

В документах написали что-то про сердце... Что он перед смертью успел назвать своё имя, имена и номера телефонов бывшей жены и детей. Почему-то никому не сообщили. Прибили возле могилки колышек, на колышке листочек с присвоенным ему номером. Подул ветер. Листочек оборвался и улетел...

Глава 2. Голоса прошлого

Мария перелистывала пожелтевшие страницы старого семейного альбома. Фотографии лёли чередовались с другими лицами.

В памяти снова всплыли его слова: «Ты всегда найдёшь выход. Ты у нас особенная девочка». Но почему он так верил в это?

Её взгляд задержался на чёрно-белом снимке немолодой женщины с тяжёлым взглядом. Прабабушка Ефросинья... Та, от кого пошла их семья. Мария никогда не видела её при жизни, но чувствовала какую-то необъяснимую связь.

Она провела пальцем по краю фотографии, чувствуя, как прошлое притягивает её, словно магнит.

Ефросинья страдала алкоголизмом и редко осознавала, что у неё есть дочь Нина. Спасением для девочки стала тётя Ульяна, сестра Ефросиньи. У Ульяны не было своей семьи и детей, и она взяла племянницу под опеку. Добрая, непьющая, заботливая, она кормила Нину, одевала, учила читать и прививала простые человеческие ценности.

Нина выросла. Невысокая, полнотелая, с упрямым взглядом. Она вышла замуж, и в семье появился первенец, сын Серёжа. Но судьба распорядилась жестоко: муж Нины погиб на лесозаготовках. Огромная берёза, которую он валил, рухнула не туда, куда ожидалось. Оставшись одна с ребёнком на

руках, Нина трудилась поварихой на местном заводе.

В частые минуты слабости она обращалась за помощью к Ульяне, и та всегда помогала. Нина принимала это без «спасибо», с лёгким раздражением, будто удивляясь: «А что ещё ты можешь сделать?». Ульяна лишь вздыхала и думала: «Бедная девочка... Она просто не знает, как по-другому».

В те времена на деревне появился новый молодой мужчина: красивый и высокий электрик Иван. Он гулял в шумных компаниях, играл на гитаре. Пел и известные песни, и собственного сочинения. От девчонок не было проходу. По той моде он был, как сейчас принято говорить: «Краш».

В какой-то момент Иван обратил внимание на одинокую и серьёзную Нину. Несмотря на большую разницу пропорций и характеров, мужчина безоглядно влюбился в неё и вскоре пришёл свататься.

Супруги много лет прожили в деревенском доме, растили пятерых детей и вели привычный уклад: в будни работали, в выходные зазывали гостей. За длинным столом лились разговоры и самогон. Пол дрожал от топота, родители орали друг на друга, гости хохотали невпопад. Дети зажимали уши подушками, но звуки всё равно просачивались в сознание, визгливые песни, пьяный смех, брань...

Нина порой ловила себя на мысли, что всё это слишком напоминает ей детство: шум, хаос, пьяные голоса. Но вместо того, чтобы остановиться, она злилась на себя и на весь мир. В такие моменты она срывалась на Ульяне.

— Ну что смотришь? — бросала она тётё, когда та приходила проводить внуков. — Опять пришла учить меня жизни? Лучше бы денег принесла, раз уж такая заботливая.

Ульяна опускала глаза, кивала и молча доставала из сумки продукты или несколько смятых купюр. Она не обижалась, просто любила племянницу так сильно, что готова была терпеть неблагодарность.

Потом один из детей, Дима, умер на втором году жизни.

— Это всё из-за тебя! — кричала Нина на свою тётушку Ульяну. — Ты руки плохо мыла перед тем, как его брать! Вот он и заболел!

— Да как же ж, Ниночка? Я же так люблю тебя и твоих деток. У меня, кроме вас и нет никого... Разве ж я могла навредить?

Ульяна пошатнулась, схватилась за сердце. Она отдала Нине всю жизнь, всю любовь, а в ответ получила обвинение в смерти ребёнка. Но даже теперь она не смогла разозлиться на неё, только тихо прошептала:

— Прости меня, Ниночка... Прости, если сможешь.

Эта потеря на время подкосила всю семью. Даже дети долго ещё помнили маленький гробик, громкий плач взрослых и свою тихую тоску по младшему братику. Но время лечит. Боль поутихла.

Одно было горько. Иван никак не мог принять ребёнка Нины от первого брака, Сергея. Регулярно бил его и выгонял из дома.

Серёжа смолоду стал жить сам по себе, скитался по деревне, воровал у соседей. Кривая дорожка часто приводила его в отделение милиции.

Бежит Серёжа по деревне в поле, а за ним участковый.

— Стой! Стрелять буду!

— Беги! Беги, Серёга! — кричит местная молодёжь.

Так из невинного ребёнка старший сын Нины превратился в преступника — известного блатного по кличке «Серёга Мороз».

Сергей бесконечно любил младшего брата Сашу и сестру Любу. Родителей же за родственников не считал совершенно.

Со временем он создал семью. Уехал в другую деревню, женился. Там у него родились две дочери.

У Марии о старшем дяде воспоминание было всего одно. Во время той встречи она была совсем малышкой, лет пяти. Его глаза светились добротой. Дядя Серёжа долго сидел за столом, окружённый солнечным светом, и мастерил что-то из фольги. Когда Маша подошла ближе, он улыбнулся и протянул ей маленького серебристого паучка с тонкими лапками.

— Вот, это для тебя. Он будет охранять твои сны.

Мария до сих пор помнила, как бережно держала в руках это хрупкое творение. Дядя Серёжа тогда смастерил ей це-

люю семью паучков и рассказал историю о том, что пауки плетут сети не для того, чтобы ловить добычу, а чтобы создавать красоту.

— Всё в этом мире имеет свою красоту, даже то, что кажется страшным, — говорил он, поглаживая её по голове.

Через неделю пришло известие...

Начало 2000-х.

В те времена было модно колоться. Серёга Мороз, недавно навестивший сестру и племянницу, оставив после себя маленькое серебристое семейство, умер от передоза. Мама горевала, а Маша не могла понять, почему человек, подаривший ей таких прекрасных паучков, больше не придёт.

Больно было вспоминать и о деде. В прежние годы он был жесток по отношению к своему пасынку. Был жесток и к родным сыну и дочери, Машиной маме. Но Маша знала его с такой стороны только из рассказов взрослых. К ней, своей маленькой внучке, дедушка Ваня относился с особой нежностью и заботой. Они вместе разгадывали кроссворды: он взрослый, а она детский из журнала «Веснушки». Дед много читал, смотрел передачи о животных и исторические фильмы.

Многое от него передалось и Марии.

Однажды деда Ваня по работе полез на старый и гнилой электрический столб. Когти-лазы резко начали скатываться

вниз...

Маша тогда гостила у бабушки с дедушкой. Она сидела в доме за столом и выполняла задание по окружающему миру.

— Нина-а-а... — услышала девочка откуда-то издалека тихий голос, словно молящий о помощи. — Нина-а-а...

Маша выбежала на улицу. Зима. Двор, как чистый лист бумаги. Бабушка на другом краю огорода сосредоточенно развешивала на верёвки фарфоровые простыни. Снег спокойно хрустел под ногами.

Девочка оглянулась. За калиткой прямо на снежном покрове лежал её дедушка. Вместо ступни из его ноги торчала кость, а через всю улицу куда-то вдаль от него тянулась алая кровавая дорожка.

Маша не смогла крикнуть. Испуг, жалость и чужая боль застудили её горло. Она, будто охрипла. Девочка бросилась к бабушке.

Баба Нина оказала первую помощь, и они с Машей помчались ловить на остановке ближайшую маршрутку, чтобы водитель, вернувшись в город, где будет связь, вызвал скорую. Девочка бежала по сугробам в летних сланцах и домашней пижаме. Слёзы горячими ручейками стекали по лицу и падали на снег.

Когда задание было выполнено, бабушка осталась ждать помощь, а Маша вернулась в дом за курткой и сапогами.

Дверь скрипнула. Тепло от русской печи сходу обдало жаром заледеневшее детское тело.

— Нина, это ты? — послышался из дома слабый изнеможенный голос.

— Деда... Это я... Но мы вызвали скорую. Всё будет хорошо. Только держись, пожалуйста. Я сейчас побегу, чтобы бабушку сменить. Она к тебе придёт.

— Ничего, Маша. Не волнуйся. Я жду. Ничего-ничего... Он говорил так спокойно, словно собрал в этих коротких предложениях последние силы.

Спустя несколько лет, когда Маша училась в средней школе, дед погиб в пожаре.

После случившегося баба Нина осталась жить там же в деревне. Перебралась в другой дом и устроилась сторожем. Каждый вечер, когда сумерки окутывали улицы, она неторопливо обходила округу, зажигая один за другим фонарные столбы: их тёплый свет разгонял тьму, а её шаги становились единственным звуком в затихающем посёлке.

Одна родословная. И столько потерь... Каждая утрата в жизни Марии оставляла свой шрам на сердце.

Примечательно, что один неправильный выбор человека привёл к несчастьям многих её потомков. Пожалуй, из всех детей Нины судьба более ли менее приличная и счастливая сложилась лишь у одной дочери, Машиной мамы. И то лишь относительно...

Глава 3. Через тернии к нежности

Когда мама Маши, Люба Зорина, раньше положенного срока появилась на свет: маленькая, худенькая, чуть больше полутора килограммов весом, её мать Нина в роддоме написала отказную. Приехав домой без младенца, женщина получила нагоняй от мужа и была вынуждена забрать дочь.

— Были бы кости, а мясо нарастёт! — рассудил отец.

Выхаживала девочку её двоюродная бабушка Ульяна. Кормила из бутылочки, парила в бане. Люба и выправилась.

В раннем детстве малышка заболела менингитом, родители в пьяном угаре забыли одеть ребёнка перед выходом на улицу.

— Ну всё, Ванька, беда. Точно она теперь дурой останется, говорю тебе. Я к ней в больницу ездила, она меня даже не узнала. Орёт только: «Ма-а-а-ма! Ма-а-а-ма!» Будем инвалидку растить теперь...

Но Люба выздоровела. Её старший братик Саша пошёл в первый класс. Ходил как-то по дому и учил стихотворение на оценку. А Люба слушала его, слушала, да и выучила быстрее Саши, побежала рассказывать. Родители выдохнули.

Начало 1980-х. Декабрь. Семилетняя Люба стоит у проруби, сжимая в оочеченевших руках корыто с бельём.

— Любка! Поторопись, а то испростынешь! — кричит из дома мать. — Потом к колодцу беги за водой!

Девочка с трудом раскрутила ручку ворота на колоде, чтобы достать оттуда полное ведро воды. В последний момент ручка вылетела и начала раскручиваться сама в обратную сторону, больно ударив Любу по голове. Девочка повалилась на землю, а ведро с плеском упало в колодец.

На лбу шишка размером с кулак. В глазах обида.

Зимой тяжело. Летом не легче. Весь день прополка огорода на жаре, до потери сознания. Конечно, параллельно никто не освобождал девочку и от обязанностей няньки по отношению к младшей сестре, последнему ребёнку в семье — маминой и папиной любимице, Оксаночке.

Семья была не бедной, но Люба ходила в школу в настоящих обносках: в потрёпанных брюках старшего брата и выцветшей кофте, которую мать перешивала уже трижды. А учёбой должна была заниматься в свободное от работы по дому время.

Поддержкой в нелёгкие времена для Любы оставался лишь её старший брат. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, мальчик всегда помогал сестре, брал на себя часть её забот и пытался защищать от нападок родителей. Люба ценила это безмерно. В те редкие минуты, когда Саша шутил или подбадривал её, мир казался светлее.

— Люба! Саша! Я хочу ещё играть! — требовала Оксаночка.

— Мы не хотим с тобой играть, Оксанка! Ты дерёшься и всё отбираешь!

— Я папе расскажу!

— Опять будешь жаловаться, Ванюшкина?

— Па-а-а-па! Они со мной не играют!

Отец тяжёлыми и громкими шагами шёл на Любу и Сашу, как палач. Его голос разносился громом по всему дому.

— Твари! Сволочи! Я вам говорил не сметь обижать её?!

Люба вжималась в стену. Саша твёрдо вставал перед ней, загораживая собой. Его плечи казались шире, а голос звучал увереннее, когда он пытался оправдаться перед отцом.

Оксаночке можно было всё. В шестнадцать лет она воткнула своему отцу-защитнику в ногу нож. Родители поняли и простили её.

Спустя некоторое время на первых полосах местной газеты появился леденящий душу заголовок: «ПЕТУХОВСКИЕ ИЗВЕРГИ». Так журналисты окрестили шайку молодых людей, которые долгие месяцы терроризировали местную женщину-инвалида. Сигаретные ожоги, следы от утюга — мучения, через которые ей пришлось пройти, невозможно описать без содрогания. В числе тех, кто участвовал в издевательствах, была и Оксаночка.

Новость ударила по Любе. Она долго смотрела на фотографию сестры в газете, не в силах поверить, что эта девушка — та самая Оксанка, которая когда-то отбирала у неё игрушки.

Когда Люба выросла, она покинула родительский дом, не имея никакой поддержки. Девушка своими силами получила

образование. Хотя и не высшее, но вполне себе приличное. Она выучилась на библиотекаря. Начала зарабатывать, обеспечивать себя. Эти первые заработанные деньги принесли и первые маленькие радости: возможность выбрать красивое платье, купить родным гостинцы. Простые, но такие важные моменты новой, самостоятельной жизни.

Каждый раз, заходя в книжный магазин или выбирая ткань на новое платье, Люба ловила себя на мысли: «Я это сделала сама». Она скучала по братьям, особенно по Саше, который тогда находился в местах не столь отдалённых. Они редко виделись, но каждый раз, когда он звонил, на душе становилось теплее. В его голосе всё ещё слышалась та же забота, что и в детстве, хотя между ними теперь лежали километры и годы молчания.

По возможности Люба ездила домой навестить своих. Родители сухо приветствовали дочь, а Оксаночка с радостью выхватывала из рук сестры пакеты и бежала распаковывать.

Однажды ночью, когда все спали, Оксана изрезала все платья Любы: и то, в чём она приехала, и те, что взяла на смену. Проснувшись и увидев перед собой лоскуты ткани, Люба расплакалась. Не из-за платьев, а из-за того, что даже спустя годы ничего не изменилось.

— Ой, подумаешь! Тряпки и тряпки! Ты теперь богатая, новые себе купишь! — коротко рассудила мать.

Люба молча кивнула, вытерла слёзы и начала собирать лоскуты.

Когда во время очередного отпуска девушка по обыкновению решила навестить родителей и сестру, она остановилась у двора заброшенного дома. В руках сумки. Внутри растерянность и непонимание.

— Здравствуйте, Марья Петровна, — улыбнулась девушка, заглядывая в соседский двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.